

РОКЕИ НОКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НЕПОДХОДЯЩАЯ
Жена на одну ночь

Рокси Нокс

Неподходящая. Жена на одну ночь

«Автор»

2026

Нокс Р.

Неподходящая. Жена на одну ночь / Р. Нокс — «Автор», 2026

— Ты заплатил мулле и подделал никах, чтобы затащить горничную в постель, пока твоя породистая невеста доучивается в городе?! — срываю с пальца золотое кольцо и со звоном швыряю ему под ноги. Рамзес даже бровью не ведет. Лишь медленно наступает, вжимая меня спиной в холодную стену люкса. — Не смей бросаться моим подарком, Мила. Его тяжелая ладонь ложится на мою шею, лишая малейшего шанса на побег. — Ты знала, кто я такой, девочка. Горные кланы не женятся на прислуге. Ты хотела всё по закону? Я дал тебе это. Но из этой спальни ты выйдешь только тогда, когда я сам решу, что с тебя хватит. И ни секундой раньше. Полгода осады, роскошный никах в закрытой мечети и клятвы вечной верности — всё оказалось забавой со сроком годности, ровно до приезда его настоящей невесты. Я для него всего лишь временное развлечение. Но Рамзес еще не знает: прислуга тоже умеет ненавидеть. И когда придет день его роскошной свадьбы, платить по счетам придется ему!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рокси Нокс

Неподходящая. Жена на одну ночь

Глава 1

Моя кожа пахнет его кожей.

Лежу, затаив дыхание, уткнувшись носом в чересчур мягкую подушку, и разглядываю тонкую полоску золота на своём безымянном пальце. Кольцо ловит утренний луч солнца, пробивающийся сквозь жалюзи президентского люкса, и вспыхивает слепящей искрой.

Моё обручальное кольцо. Настоящее.

Всё тело ноет сладкой и непривычной тяжестью. Рамзес ждал этой ночи полгода. Полгода безумной, изматывающей осады, в которую я не верила ни единой секунды. Горничная и наследник горного клана, мужчина, перед которым стелются все – от управляющего отелем до местных чиновников. Разве такое возможно?

Я смеялась над его цветами. Пряталась в бельевых каптёрках, когда слышала его размеренные шаги по коридору. Думала, ему нужна очередная забава на ночь, пока он однажды не прижал меня к стене в пожарном выходе и не прорычал, глядя в упор своими невыносимо темными глазами:

– Никакой грязи, Мила. Никаких гостиничных коек втайне от всех. Я сделаю всё по закону. Никах, имам, свидетели... Ты будешь моей перед Всевышним, или я до тебя даже пальцем не дотронусь.

И сдержал слово. Вчера старый мулла в маленькой закрытой мечети читал над нами суры. Рамзес держал мою дрожащую руку в своей горячей ладони, а ночью... ночью он брал меня так нежно и ласково, что я даже не ожидала.

Место рядом со мной на огромной кровати уже остыло. На прикроватной тумбе стоит стакан воды с лимоном и шелковый галстук, небрежно брошенный им перед уходом.

Улыбаюсь, кусая губы. Глупая, наивная девчонка. Я теперь его жена!

Накинув халат на голое тело и затянув пояс, босиком ступаю на толстый ворс ковра. Из панорамной гостиной доносятся приглушенные мужские голоса.

Рамзес уже на ногах – наверное, решает дела с управляющим или компаньонами. Надо умыться, собрать волосы, показаться ему... Привычный рефлекс прислуги шепчет: «Нужно заправить постель и застирать кровавое пятно», но тут же одергиваю себя. Больше никакой уборки. Он сам запретил мне даже думать об этом!

Бесшумно подхожу к двустворчатой двери в гостиную, собираясь окликнуть его, но хриплый и циничный смех заставляет меня замереть на пороге.

– ...да брось ты, Рамз! Полгода целибата ради горничной? Я думал, ты её на второй день сломаешь, а ты целый спектакль разыграл. Кольцо, мулла... Ты больной, клянусь!

Это Аслан, его двоюродный брат. Знаю этот голос – он всегда смотрел на персонал как на пыль под ногами. И я терпеть не могла, когда приезжал в отель и жил здесь неделями.

Замираю, касаясь ладонью стены. Сердце почему-то испуганно бьется о ребра.

– Это того стоило, – звучит в ответ низкий голос Рамзеса. Спокойный. Без единой ноты того трепета, с которым он шептал мое имя всего четыре часа назад, зарываясь лицом в мои волосы. – Она уперлась. Заладила про грех и честь. Пришлось уважить правила девочки.

– Ну и как трофей? – усмехается третий голос, кажется, Шамиль. – Оправдала святость?

Звон фарфора. Рамзес неспешно делает глоток кофе и отвечает:

– Оправдала.

– Ладно, развлекся и хватит, – лениво бросает Аслан, и я слышу шелчок зажигалки. – Главное, чтобы слухи до города не дошли. Фаргиевы шутить не любят. Если отец Макки узнает, что ты перед свадьбой шашни крутишь...

В комнате повисает тишина. Мои пальцы, держащие край шелкового халата, немеют. Какая Макка? Какая свадьба?..

– Не узнает, – холодно и ровно отсекает Рамзес. – Свидетели – свои люди. Мулле заплатили втрое больше, он составил всё с оговоркой срока. Три месяца. Ровно столько, сколько Макке осталось доучиться и получить диплом хирурга. К её возвращению бумага превратится в пыль, а девочка получит щедрые отступные и уедет отсюда. Никаких претензий по шариату, всё чисто.

– Грамотно, – хмыкает Шамиль. – И девочке грех на душу не взял, и сам перезимовал сладко. А Макка знает?

– Конечно, нет, – голос Рамзеса звучит жестко, как удар кнута. – Она же дочь нашего союзника, чистая кровь, будущий врач. Их даже сравнивать нельзя. Мила – просто... слабость. Закрытый гештальт. Я хотел её – я её получил. Вопрос закрыт.

Слова Рамзеса не просто ранят меня, они выжигают изнутри всё живое. Воздух в легких мгновенно превращается в толченное стекло. Какого черта происходит? Куда я вляпалась?

Стою за дверью, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Пол подо мной кренится.

«Срок... Три месяца... Мулла был предупрежден... Временная... Отступные...»

Перед глазами вспыхивает вчерашний вечер: мерцание свечей в мечети, тихий голос священнослужителя, обещания вечности перед небесами. И его руки. Его сильные и горячие руки, которые касались меня так бережно, словно святыни.

Рамзес не любил меня. Он просто выжидал, а потом снял меня в аренду на три месяца, красиво упаковав грязь в священный обряд, пока его правильная невеста сдаёт сессию в столице и ничего не знает.

Золотое кольцо на пальце вдруг становится невыносимо тесным.

В гостиной снова раздается смех. Скрипит кожаное кресло – Рамзес поднимается.

– Хватит чесать языками, поехали на стройку второго корпуса. Мне еще нужно вернуться до полудня. Обещал свозить *жену* на смотровую площадку...

Слово «жену» он произносит с едва уловимой насмешкой.

Шаги приближаются к выходу. Медленно, почти не чувствуя собственных ног, пачусь назад, в полумрак спальни, где простыни еще хранят тепло нашего первого и единственного «брачного» утра...

Глава 2

Они ушли.

Стою посреди огромной спальни, кутаясь в белый шелк, и смотрю на окружающую роскошь совершенно другими глазами.

Слезы застилают зрение, жгут веки, но я не позволяю им сорваться. Горло сдавило спазмом.

Господи, какая же я дура. Какая слепая и наивная дура!

Медленно обвожу взглядом золоченую лепнину, панорамные окна в пол с видом на ущелье, дизайнерскую мебель из массива дерева. Номер для новобрачных. Президентский люкс на седьмом этаже его отеля.

Вчера, когда после мечети он привез меня сюда, я смущенно спросила: *«А как же твой дом? Твоя семья?»* И Рамзес, нежно целуя мои костяшки пальцев, наплел мне красивую сказку.

Сказал, что хочет побыть со мной наедине, без чужих глаз и вечной домашней суеты. Что хочет устроить нам медовый месяц, раз уж дела не позволяют ему вырваться куда-то в дальнюю поездку.

А правда ведь оказалась куда проще и омерзительнее!

Он не привел меня в свой дом, потому что не мог! Потому что прислуге не место в особняке его клана. Потому что горничная с третьего этажа – это грязь, которую нельзя показывать на глаза матери и отцу. Мое место здесь, в гостинице. Где меня можно спрятать, закрыть на ключ, попользоваться, пока свежая, а потом выставить за дверь по истечении девяти дней!

Мерзавец! Ну какая же он сволочь!

Взгляд падает на разобранную постель. Египетский хлопок скомкан, а прямо посередине буреет крошечное, сухое пятнышко. Моя невинность. Моя честь, которую я берегла для единственного мужчины, свято веря, что он берет меня в жены перед небесами. Мои приемные родители воспитывали меня в добродетели, хотя мусульманкой я не являюсь.

И Хотчбаров добился своего. Полгода караулил меня в коридорах, ловил во дворах, дарил охапки роз, которые я раздавала девчонкам, смотрел на меня голодным волчьим взглядом... И нашел лазейку. Понял, что силой или деньгами меня не взять, и разыграл самую подлую карту на свете с женитьбой.

Ярость вспыхивает во мне с такой силой, что выжигает остатки шока.

Подлетаю к кровати и с остервенением срываю простыню. Сминаю этот проклятый хлопок в комок и со всей силы швыряю в корзину для белья в углу ванной. В корзину для стирки. Туда, куда горничная Мила привыкла сбрасывать чужую грязь!

Но как отстирать саму себя? Как смыть с кожи его жадные поцелуи, которыми он клеймил меня всю ночь?! Боже, да я вся в засосах! И если бы не вырвавшаяся наружу правда, я бы, как дура, гордилась, ими...

Оставшись в одном белье, подхожу к гардеробу. Там уже висят дорогие платья, купленные по заказу Рамзеса для меня. Но не притронусь ни к одному! Пусть сам носит свои жутко дорогие наряды или невесте своей пошлет!

Надеваю свои старые джинсы и растянутый вязанный свитер, в которых езжу сюда на служебном автобусе вот уже два года. Волосы стягиваю в тугий узел на затылке.

Всё. Прислуга вернулась на свое место. Побывала одну ночь женой богатого мерзавца, и хватит!

Часы на мраморной каминной полке отсчитывают минуты, как удары молота по наковальне. Одиннадцать. Половина двенадцатого. Полдень.

Ровно в двенадцать раздаются уверенные шаги хозяина этой жизни. Рамзес заходит в гостиную, шуршит пакетами и бросает ключи на тумбу.

– Мила? – зовет он. Голос низкий, с той самой бархатной хрипотцой, от которой у меня еще вчера слабели колени. – Малышка, ты готова? Я освободился раньше. Можно ехать.

Он заходит в спальню – высокий, широкоплечий, в идеально сидящем светлом пальто и черной рубашке, расстегнутой на пару верхних пуговиц. В руках огромный букет кремовых пионов.

Рамзес делает шаг ко мне, и его густые брови медленно сходятся на переносице. Взгляд цепляется за мои потертые джинсы и голый матрас.

– Что за вид? – его голос моментально теряет мягкость, становясь холодным и властным. – Я же просил управляющего привезти тебе гардероб. Почему ты не одета, как положено?

– А для кого мне одеваться, Рамзес? – мой голос звенит от напряжения, но я не отвожу глаз. Внутри все дрожит, но я держу спину прямо. – Для моего «мужа»? Или для хозяина отеля, который снял лучший номер с прислугой на три месяца?

Лицо Рамзеса каменеет. Букет в его руке опускается, но он не теряет невозмутимости. Лишь прищуривается, сканируя меня темным взглядом:

– О чем ты говоришь, Мила?

– О сроке годности твоего никаха! – выкрикиваю я, и слезы все-таки прорывают плотину, обжигая щеки. – О трех месяцах! О мулле, которому ты заплатил втрое больше, чтобы он оформил фальшивку! О Макке! Твоей чистокровной, идеальной невесте, которая учится на хирурга в городе!

Рамзес даже не вздрагивает. Ни тени вины на его точеных, резких чертах. Только скулы напрягаются так, что желваки ходят ходуном.

– Ты подслушивала, – это не вопрос, а констатация факта.

– Вы даже не старались говорить тише! – горько усмехаюсь, вытирая мокрую щеку рукавом свитера. – Зачем прятаться от горничной, правда? Ты ведь уже поймел ее! Добился своего! Закрыв свой чертов гештальт! А я-то думала... Господи, я ведь верила тебе! Каждому твоему слову верила!

Хватаюсь за палец, срываю с безымянного тонкую полоску золота, которая жжет кожу, и со звоном швыряю кольцо прямо ему под ноги. Оно ударяется о носок его начищенного ботинка и катится по паркету.

Рамзес медленно выпускает букет из рук, и цветы с глухим шорохом падают на пол.

Он делает шаг вперед. Потом еще один. Медленно, как хищник, загоняющий добычу. Я инстинктивно пячусь, пока моя спина не упирается в холодную стеклянную перегородку ванной. Дальше бежать некуда.

Мужчина нависает надо мной всей своей громадной и подавляющей фигурой.

– Не смей бросаться моим подарком, Мила, – его голос понижается до опасного шепота, вибрируя прямо у меня над ухом.

– Подарком?! Ты ведь заплатил мулле и подделал священный обряд, чтобы затащить горничную в постель, пока твоя породистая невеста доучивается в городе!

Тяжелая и горячая ладонь Рамзеса резко ложится на мою шею.

Длинные пальцы смыкаются под подбородком, вздергивая мое лицо вверх. Он не душит, но держит железным захватом, отрезая малейшую возможность отвернуться. Большой палец жестко очерчивает линию моей челюсти.

В его темных, почти черных глазах нет раскаяния. Там плещется собственническая тьма.

– Ты знала, кто я такой, девочка, – чеканит он каждое слово, обжигая мои губы своим дыханием. – Горные кланы не берут в хозяйки домов прислугу без рода и племени. Ты знала это с первого дня, как я зашел на твой этаж. Ты хотела всё по закону? Я дал тебе закон. Перед Всевышним ты моя жена, и этой ночью ты принадлежала мне по праву.

– Это грязь! Обман! Выпусти меня... – хриплю, пытаюсь оторвать его пальцы от своей шеи. – Я хочу уйти отсюда! Домой поеду!

– Из этой спальни ты выйдешь только тогда, когда я сам решу, что с тебя хватит, – перебивает он. – И ни секундой раньше. Макка далеко. А ты – здесь. Со мной. И будешь со мной каждую ночь из тех девяноста дней, что нам отведены.

Он разжимает пальцы и смотрит на меня с высоты своего роста, как непреклонный хозяин.

– Ты сказал своим друзьям, что уважил меня, но ты, наоборот, унизил меня, Рамзес! Ты хоть это понимаешь?!

– Хватит истерить, Мила, – бросает он сухо, словно отдает распоряжение работнице. – Подними кольцо. Сними эти шмотки и надень платье, из того, что тебе привезли, приведи лицо в порядок. Через двадцать минут мы едем на смотровую площадку, там тебя ждет сюрприз. И не дай Аллах на твоём лице кто-то заметит хоть одну слезинку. Я понятно выразился?

Глава 3

Рамзес

Чёрт бы побрал этот длинный язык Аслана!

Стою посреди спальни, сжимая челюсти так, что зубы скрипят. На полу валяется букет пионов за бешеные деньги – хотел ее порадовать. Лепестки смяты, стебли переломаны, ай! Рядом поблескивает золотой ободок кольца, которое эта ненормальная посмела швырнуть мне под ноги.

Девчонка должна спать мертвым сном минимум до двенадцати дня! Я же видел, как она вымоталась ночью, когда дрожала в моих руках и тихо всхлипывала от непривычной ласки, утыкаясь носом мне в ключицу.

Я укрыв её одеялом, поцеловал в висок и вышел в гостиную выпить кофе с братьями, уверенный, что моя маленькая птичка без сил видит десятый сон.

А она, оказывается, стояла за дверью и грела уши.

Раздосадован? Да, черт возьми!

Не так я планировал это утро. Хотел увезти её в горы, показать ей ущелье с высоты птичьего полета, накормить горячим ягненком в закрытой беседке...

Но с другой стороны – ну и пусть! К черту. Какая разница, сегодня она узнала или через девяносто дней? Всё равно финал предсказуем. Через три месяца мне пришлось бы сказать ей: «Талак, Мила. Собирай вещи, забирай деньги и уезжай». Теперь хотя бы не придется изображать любовь вечную.

Потому что никакой вечной любви здесь быть не могло изначально. Я с детства знал, что возьму в жены только «свою», меня так воспитали. Потом, когда чуть не влюбился в жену брата, я решил держаться подальше от блондинок. Засватал Макку – дочь Руслана Магомедовича, нашего главного союзника по бизнесу и старейшины соседнего района. Она ходит в моих невестах вот уже три года, так как я согласился подождать, когда она закончит учебу. Девушка правильная, скромная и породистая горянка. То, что нужно для наследника клана.

Мы с ней виделись от силы раза три, исключительно в присутствии её братьев и родителей: чинное чаепитие, опущенный в пол взгляд, тихий голос.

Макка умная, получает профессию хирурга, умеет держать лицо и знает цену нашему имени. Она станет идеальной матерью моим сыновьям и хозяйкой в моем доме.

А Мила...

Перевожу тяжелый взгляд на девчонку, вжавшуюся в стену.

Мила – это пожар. Наваждение, которое скрутило мне кишки полгода назад, когда я случайно зашел в люкс после проверки и застал её за уборкой.

Она стояла спиной ко мне, на цыпочках протирая зеркало. Короткое форменное платьице горничной натянулось на круглых бедрах, а по спине змеились две толстые, русые косы почти до самой талии. Настоящая милашка. Но стоило ей обернуться...

Огромные и дерзкие серо-голубые глаза, вздернутый носик и взгляд лесной рыси. В тот день я с ходу сказал себе: «Она будет моей. Без вариантов».

Но эта чертовка с косами оказалась крепким орешком. Шесть месяцев! Полгода я, взрослый мужик, хозяин этой чертовой долины, за которым женщины табунами бегают, ходил за ней следом, как пацан сопливый.

Дарил драгоценности – она возвращала их через ресепшен. Присылал охапки роз и находил их в мусорном баке служебного входа или в руках других служащих отеля.

Она смеялась надо мной! Прямо в лицо мне фыркала, крутила своими косами и говорила: «Держите руки при себе, Рамзес Саидович. Лучше поищите себе игрушку в другом месте».

Гордыня в ней зашкаливала. Заладила: «Я чистая, грешить не стану, невинность для мужа храню». Думала, я отступлю. Думала, испугаюсь слова «брак». Наивная девочка! Если Рамзес хочет забрать свою добычу – он найдет способ, как это сделать.

Я нашел муллу, положил перед ним купюры и закрыл вопрос. Обряд был настоящий, слова сказаны, запрета перед Всевышним нет – но с четким сроком в три месяца, пока Макка не заберет свой красный диплом и не вернется домой для большой клановой свадьбы.

И вот результат. Я дал Миле всё: кольцо, статус, роскошь. А она стоит передо мной в облезлом свитере, сверкает заплаканными глазами и возомнила, что может ставить мне условия!

– Я никуда с тобой не поеду, – с ледяной ненавистью произносит Мила.

Она так и не сдвинулась с места. Не подобрала кольцо. И даже не смотрит в сторону гардеробной с шелковыми платьями.

Чувствую, как закипаю внутри. Горячая кровь бьет в виски.

– Валлахи, ты меня испытываешь, девочка? – мой голос срывается на гортанный рык. Родной акцент, который я обычно глушу в деловых переговорах, прорывается наружу сам собой. – Ты глухая, э? Я тебе на каком языке сказал: двадцать минут! Там люди мясо жарят, стол накрыт над ущельем, всё для тебя сделано! А ты мне тут драму закатить задумала?!

– Подавись своим мясом! – выплевывает она, вздергивая подбородок. – И со своими дружками там сиди! С чего ты взял, что после того, что я узнала, я поеду с тобой куда-то? Развод мне дай прямо сейчас! Слышишь?! Скажи «талак» три раза и отпусти!

– Талак тебе дать?! – делаю шаг к ней, и воздух в комнате сгущается до предела. – Ты кем себя возомнила, э? С кем ты так разговариваешь?!

Меня накрывает белое каление. Горная кровь не прощает бунта. Я терпел её капризы полгода, сдувал с неё пылинки, и ночью к ней прикасался так осторожно, словно она из тончайшего стекла сделана, боялся синяк оставить! А она требует развода? Швыряет мое золото под ноги?! Вот неблагодарная!

– Не хочешь по-хорошему, Мила? – сквозь сжатые зубы цежу я. – Аллахом клянусь, по-хорошему ты не понимаешь.

– Не подходи ко мне... – она испуганно пятится, но позади только стекло. Глаза расширяются от паники. – Не смей!

– Замолчи.

В два широких шага сокращаю расстояние между нами. Мила успевает только взвизгнуть и замахнуться, чтобы вклепить мне пощечину, но я легко перехватываю её тонкое запястье одной рукой, сжимая в железное кольцо.

Вторая моя рука мгновенно обвивает её талию, прижимая к моему телу так крепко, что у неё перехватывает дыхание.

– Пусти! Рамзес, пусти, я кричать буду! – колотится в моих руках, пытаюсь достать меня коленом.

– Кричи, э! Кому ты кричать собралась? Это мой отель! Здесь каждый камень мне подчиняется!

Резко нагибаюсь, подсекаю её под бедра и одним мощным движением вздергиваю наверх, перекидывая через плечо, как мешок с добычей.

– А-а-а! Пусти! Ненормальный, дикарь! – Мила колотит маленькими кулачками по моей спине, извивается, пытаюсь сползти.

Моя широкая ладонь тяжело опускается на её аппетитный, обтянутый старым денимом зад, жестко фиксируя брыкающуюся девчонку:

– Еще раз дернешься – выпорю прямо здесь, поняла меня?! Хватит цирка!

Не обращая внимания на её вопли и проклятия, подхватываю с пола золотое кольцо, сую его в карман брюк и широкими шагами выхожу из спальни.

Плевать на платье. Плевать на прическу.

Она поедет в горы прямо так – в рваных джинсах, заплаканная, злая, закинутая на мое плечо. Пусть все видят, что мне перечить нельзя.

Она может ненавидеть меня сколько угодно, но эти девяносто дней Мила принадлежит мне целиком и полностью.

Тяжелые двустворчатые двери президентского люкса распахиваются от удара моего ботинка. Выхожу в пустынный коридор и уверенно шагаю прямо к сверкающим створкам панорамного лифта...

Глава 4

Створки лифта бесшумно скользят навстречу друг другу. Раздается электронный сигнал, и пол под ногами плавно уходит вниз.

Рамзес медленно опускает меня на ноги. Мои кроссовки касаются зеркального пола, колени предательски подгибаются.

Мужские ладони ложатся мне на талию, и в следующее мгновение Рамзес вжимает меня спиной в холодное панорамное стекло и нависает надо мной, уперев одну руку в стекло рядом с моим виском.

Я подсознательно жду продолжения вспышки ярости, с которой он выступал несколько секунд назад. Даже зажмуриваюсь, готовясь к новому удару словами.

Но вместо этого подушечки его пальцев осторожно касаются моей щеки. Движение такое невесомое, почти благоговейное, что меня прошибает мелкая дрожь. Рамзес стирает влажную дорожку слезы под моим глазом.

– Тише, – звучит его голос. – Не плачь, малышка. Не надо. Посмотри на меня.

Упрямо отворачиваю лицо к стеклу, закусив губу до привкуса соли и железа, но он мягко перехватывает мой подбородок двумя пальцами и поворачивает обратно к себе.

– Ну зачем ты так, Мила? – шепчет он прямо мне в губы, обдавая запахом горького кофе. – Зачем ты ломаешь то, что у нас только началось? Не злись. Не порть наш медовый месяц, слышишь? Не воюй со мной. Я просто хочу сидеть напротив, смотреть на тебя, такую красивую, и кормить с рук.

Его слова – сладкий и смертоносный яд, который капля за каплей впрыскивается мне прямо в вены.

Но хуже всего то, что моё предательское сердце отзывается на этот шепот болезненным толчком. Я ненавижу себя в эту секунду больше, чем его. Ненавижу за то, что люблю этого человека! Люблю до тошноты, до потемнения в глазах!

За эти полгода я привыкла к его пламенным взглядам, к его заботе, спрятанной за напускной суровостью, к тому, как трепетно он ко мне относится... Я впустила его себе под кожу. Отдала ему всё: веру, гордость, тело, душу...

А он просто играл мною...

– Медовый месяц?.. – мой голос дрожит от подступающей истерики. – Какой месяц, Рамзес? С таймером обратного отсчета?

Горькая ревность поднимается со дна желудка, скручивая внутренности в тугий узел. Перед глазами всплывает образ-фантазия Макки – я никогда её не видела, но уже ненавижу каждую черту её безупречного лица.

Дочь союзника.

Будущий врач.

Подходящая.

Достойная войти в его дом хозяйкой, сесть за стол рядом с его матерью и родить ему законных наследников.

А я кто? Я – грязный секрет. Удобная постельная игрушка на межсезонье. Горничная Мила, сирота без связей и имени, которую даже в прихожую родового особняка не пустят, чтобы ковры ненароком не запачкала.

«Если бы я знала... – звенит в висках. – Если бы знала про неё, я бы бежала от тебя без оглядки! Я бы ни за что не подпустила тебя к себе!»

Но теперь поздно. Я заперта в стеклянной коробке с мужчиной, который растоптал мою жизнь, но от одного взгляда которого по моему телу до сих пор бегут электрические разряды.

– Мила, послушай меня, – его ладонь соскальзывает с подбородка на мою шею, и большой палец нащупывает бешеный пульс на сонной артерии. Он прижимается ко мне вплотную, и сквозь ткань моих джинсов я отчетливо чувствую, как твердеет его тело в паху. Он прижимает меня к стеклу так тесно, что между нами не остается даже воздуха. – Забудь про всё, что ты услышала. Выбрось из своей красивой головы этот бред!

– Это правда, а не бред! – шепчу, пытаюсь упереться ладонями в его грудь, но пальцы сами собой сминают дорогую ткань его рубашки, не в силах оттолкнуть.

– Сейчас имеет значение только одно, – его дыхание становится тяжелым и рваным. Рамзес наклоняется ниже, и его губы почти касаются уголка моего рта, дразня, не целуя, но сводя с ума. – Ты – моя жена, никак не был фиктивным, потому что для меня правильность тоже важна. Думаешь, я терпел полгода просто так? Думаешь, стал бы затевать всё это, если бы ты мне была безразлична?

Он подается бедрами вперед, заставляя меня почувствовать его эрекцию и судорожно вздохнуть от вспыхнувшей между нами искры:

– Я с ума по тебе схожу, Мила. Ты в постели пахнешь так, что я надыхаться тобой не могу. Я хочу тебя каждую секунду. Вчера, сегодня, даже сейчас в этом чертовом лифте... Плевать, что будет потом. Сейчас ты принадлежишь мне. Ты согласилась.

Его губы яростно и голодно накрывают мои, не оставляя времени на протест.

Рамзес целует меня так, словно имеет на это безоговорочное право сильного. Жёстко и глубоко захватывая мои губы своими, властно раздвигая их языком и заставляя захлебнуться собственным стоном.

Его ладонь на моей шее сжимается чуть крепче, фиксируя голову и не позволяя отвернуться, а вторая рука скользит вниз по спине, сминает край растянутого свитера и забирается под ткань.

Шершавые, чуть обжигаяще горячие пальцы ложатся на голую кожу моей талии.

Меня прошибает волной электрического тока от макушки до пяток. Разум кричит: «Оттолкни его!», но предательское тело, познавшее этой ночью вкус его власти, – мгновенно плавится.

В животе сладко и тяжело ноет. Я подаюсь навстречу, ненавидя себя за эту слабость, за то, как податливо раскрывается мой рот под его напором.

Рамзес чувствует мою капитуляцию. Он знает, какую власть имеет надо мной.

Его бедро вклинивается между моих ног, вжимая меня в стекло с новой силой. За прозрачной стеной лифта с бешеной скоростью мелькают этажи – кажется, мы просто катаемся вверх-вниз, но весь мир сейчас сузился до вкуса его рта – горячего и собственнического.

Поцелуй резко заканчивается. Рамзес упирается лбом в мой лоб, как бычок. Его темные глаза мерцают диким огнем, зрачки расширены на всю радужку. Мои губы горят и пульсируют, припухшие от его жадности. Ненавижу...

– Вот так, – шепчет он с хриплым удовлетворением, оглаживая пальцем мою щеку, на которой вспыхнул стыдный румянец. – Вот это моя Мила. Настоящая. Не строй из себя чужую, девочка. Ты от одного моего взгляда горишь, я же вижу.

Слова отрезвляют, как ушат ледяной воды.

«Моя Мила...»

Гордость, забитая в угол животной страстью, поднимает голову и вливается мне в горло когтями. Смотрю в его красивое, породистое лицо с резкими скулами, на эти черные глаза, в которых нет любви.

Для него это просто игра. Физиология. Голод, который он утоляет перед тем, как надеть парадный костюм и повести под венец настоящую невесту.

Резко дергаю головой, сбрасывая его ладонь:

– От тебя любая горит, Рамзес. Ты же хозяин этих мест. Только не путай похоть с чем-то большим.

Его брови на долю секунды дергаются, в глазах мелькает опасная искра, но лифт издает мелодичный звон – мы приехали на нижний уровень, к закрытому паркингу.

Двери разъезжаются, и прохладный горный воздух бьет в лицо.

Рамзес опускает руки, но отступать не спешит. Не отводя от меня взгляда, он лезет в карман брюк, достает тонкое золотое кольцо, которое подобрал с пола в спальне, и с силой перехватывает мою левую руку.

– Рамзес, не надо... – шепчу, пытаюсь сжать пальцы в кулак.

– Руку, – обрывает он безжалостно.

Его пальцы легко разжимают мои. Он натягивает кольцо обратно на мой безымянный палец – плотно, до упора, почти до боли.

– Снимешь еще раз – я надену его тебе на шею на цепочке и заставлю носить поверх одежды, поняла меня? – говорит он непреклонно. – Пошли к машине. Обед остывает.

Он крепко берет меня за руку, переплетая свои пальцы с моими железным замком, и шагает вперед, увлекая меня за собой навстречу ослепительному горному солнцу...

Глава 5

Черный внедорожник с ревом взбирается по узкому серпантину все выше и выше, туда, где серые скалы вонзаются в низкое небо.

Рамзес агрессивно ведет машину одной рукой, не сбавляя скорости на слепых поворотах над пропастью. Вторая его ладонь лежит на моем колене – тяжелая, обжигающая и собственническая.

Я пыталась сбросить ее трижды, пока он не сдвинул пальцы до хруста, пообещав привязать меня ремнем. Больше я не дергаюсь. Просто смотрю в окно, где на дне ущелья пенится горная река.

Машина резко тормозит у самого края Орлиного утеса. Здесь нет туристов, въезд перекрыт шлагбаумом со знаком частной территории. На кромке обрыва высится панорамная ротонда из дикого камня и темного дерева.

Рамзес глушит двигатель, обходит капот и распахивает мою дверь:

– Выходи.

Ветер мгновенно треплет мои волосы, швыряя пряди в лицо. Рамзес снова сжимает мою ладонь в железный замок и ведет внутрь.

В ротонде тепло. В центре мерно гудит закрытый очаг с углями, массивный дубовый стол буквально ломится от блюд: исходящая паром баранина на углях, горячий лаваш из тандыра, соленый сыр с пряными травами, гранаты и янтарный горный чай в стеклянных армудах.

Пожилой горец в папахе у мангала почтительно склоняет голову:

– Все готово, хозяин. Только что снял с огня.

Мужчина бросает на меня удивлённый взгляд: растрепанная девушка в потертых джинсах, с опухшими от слез глазами, но с чистым золотом на пальце и пришла рука об руку с наследником клана.

– Уходи, Ваха, – отрезает Рамзес. – И чтоб духу ничьего близко не было.

Ваха бесшумно исчезает за дубовой дверью. Мы остаемся одни над бездной.

– Садись, – Рамзес выдвигает резной стул, кивая на него подбородком.

Я остаюсь на месте, спрятав озябшие пальцы в карманы куртки:

– Я сыта. Твоей ложью с утра по горло наелась.

– Мила, не испытывай мое терпение, – в его голосе пробивается гортанный акцент. – Ты со вчерашнего вечера ни крошки не ела. Лицо белое, губы синие. Сядь, говорю. И поешь по-человечески.

– Разве прислугу кормят по-человечески? – кривлю губы в усмешке.

Он сгребает меня за плечи и силой впечатывает на стул. Сам садится вплотную, перекрывая выход широкой спиной. Охотничьим ножом срезает сочный ломоть ягненка, заворачивает в край горячего лаваша и подносит к моему лицу:

– Рот открывай. С моих рук будешь теперь есть.

Отворачиваюсь к стеклу, сжав зубы до боли:

– Отстань! Я не хочу.

– Валлахи, Мила, ты берегов совсем не видишь! – рычит он, и его пальцы жестко хватают меня за скулы, силой разворачивая к себе. – Я для кого старался, стол накрывал над пропастью? Я тебя на руках носить хочу, всё к твоим ногам швырнуть готов, а ты из меня зверя лепишь! Ешь, сказал!

– Думаешь, если кинешь горничной сочного мяса, я забуду, что у тебя таймер на девятьносто дней включен?! – выкрикиваю, сбивая его руку, так что мясо падает на скатерть.

В глазах Рамзеса вспыхивает такая ярость, что воздух вокруг каменеет. Он не любит, когда грубо обращаются с едой. С коротким свистящим замахом он со всей дури всаживает нож в дубовый стол. Сталь звенит, войдя в дерево на два пальца.

– Еще одно слово, Мила... – чеканит он, опасно понизив голос. – Одно чертово слово, и я...

Его прерывает резкая вибрация. На черном стекле смартфона у блюда с гранатами вспыхивает входящий вызов: **«РУСЛАН МАГОМЕДОВИЧ ФАРГИЕВ»**.

Отец невесты, надо полагать. Будущий тесть!

Челюсти Рамзеса сжимаются с глухим стуком, желваки ходят ходуном. Он бросает на меня колючий взгляд: *«Молчи»*, проводит пальцем по экрану и прижимает трубку к уху.

И, о Всевышний, как меняется его голос! Исчезает рык горного хищника и включается чинный тон младшего перед старшим, голос безупречного будущего зятя:

– Ассаламу алейкум, Руслан Магомедович. Слушаю вас с уважением...

Рамзес поднимается, делает пару шагов к камину, поворачиваясь ко мне спиной.

– Да, дорогой, всё по плану. На объекте задержек нет, отделку второго корпуса закончим точно к началу осени... – Он делает паузу, уважительно слушая тяжелый бас в трубке, и слегка склоняет голову: – Конечно. Макка может ни о чем не беспокоиться. Передайте ей от меня глубокую поддержку. Пусть сдает экзамены на отлично и защищает диплом, иншаллах.

Каждое слово бьет наотмашь. Сижу в полутора метрах от него, с растоптанными чувствами, со следами его жадных губ на шее и слушаю этот бред. Какая же я жалкая!

И самое обидное, ведь не на деньги Хотчбарова я повелась, а искренне полюбила его! Как он смеет вообще при мне ее имя называть? Хоть бы постыдился, гад!

– Баркалла, дядя Руслан. Здоровья вам. Ваалейкум ассалам.

Рамзес прячет трубку в карман, оборачивается. Лицо – непроницаемый гранит. Будто ничего не случилось. Вот же...

– Это был отец невесты. Дела клана, к нашему столу они отношения не имеют. Бери лаваш.

Медленно поднимаюсь на ослабевшие ноги.

– Ты притащил меня на вершину скалы на романтик, а сам передаешь глубокие поддержки своей будущей женошке прямо у меня над головой?! Совсем охамел, Рамзес? Настолько меня не уважаешь!

– Сядь на место, Мила, – цедит он, на его виске дергается вена. – Не выводите меня.

– А то что?! – отступаю к открытым перилам террасы, где свистит ветер. – Ударишь? В пропасть скинешь? Так давай, Рамзес! Это будет честнее, чем твоя трусливая игра в семью! Ты, конечно, можешь силой держать мое тело при себе все три месяца. Можешь запира́ть меня, срывать одежду, брать в постели, как пожелаешь! Но запомни: я никогда не буду твоей. Ты для меня – лжец, предатель и трус. А твоя хваленая честь...

Подхватываю с краю стола кусок горячего лаваша, разжимаю пальцы и швыряю его вниз. Ветер подхватывает хлеб, закручивая в бездну.

– Вон она, летает там, на самом дне. Прыгай следом, хозяин горы!

Рамзес срывается с места. Два шага – и его руки врезаются в мою талию капканами. Он отрывает меня от досок пола и припечатывает спиной к ограждению террасы.

Позади – километры пустоты.

Ветер рвет волосы, ноги висят в воздухе над бездной. Сердце обрывается от ужаса, но я впиваюсь ногтями в его плечи и не опускаю глаз.

Рамзес нависает надо мной, тяжело дыша прямо мне в губы. В его темных глазах плещется бешеный огонь:

– Думаешь, хлеб вниз бросила и унизила меня этим? – его голос падает до хриплого шепота, вибрируя в самых ребрах. – Ты сама себя унижаешь, Мила, акцентируя на этом внима-

ние. Умная женщина так себя не ведет. Но Аллахом клянусь, ты сама попросишься, когда эти девяносто дней кончатся. Будешь вцепившись в мою рубашку умолять меня не выгонять тебя.

Один его жест, и я разобьюсь о камни. Но чудовищнее всего то, что единственная опора между мной и бездной – это руки человека, который растоптал мою душу. И в эту проклятую секунду понимаю: он действительно может меня уничтожить. Сбросить вниз. Или сделать своей навсегда.

Захлебываюсь высотой, но смотрю ему прямо в зрачки – пусть подавится своей властью, я не стану молить о пощаде.

– Этого не будет, Рамзес! У меня есть гордость. А ты живи со своей правильной невестой, как хочешь. Меня только в покое оставь!

– Нет, не оставлю, и ты это знаешь! Я еще не насытился тобой, – он ставит меня на ноги. – И хватит разбрасываться едой, ты же знаешь, как я к этому отношусь. Смени тактику. Ты же женщина, Мила, сделай так, чтобы я думал только о тебе! Хотел только тебя. Всё в твоих руках, королева моя...

Глава 6

Рамзес

Валлахи, эта девчонка выпьет из меня всю кровь до последней капли!

Сжимаю руль так, что толстая перфорированная кожа трещит под пальцами. Костяшки побелели. Мотор ревет на пониженной передаче, швыряя внедорожник по каменистым петлям серпантина вниз, к отелю.

Рядом, вжавшись в пассажирскую дверь, сидит моя персональная чума. Насупилась, губы искусаны до крови, дутая белая куртка застегнута под самое горло, словно броня от меня. Смотрит в боковое стекло на скалы, молчит.

Кошка дикая. Я ей над пропастью душу наизнанку вывернул, показал, кто в этой жизни хозяин, а она даже ресницей не повела – только глазами своими ведьминскими мне прямо в сердце стреляла.

Своей проклятой, ослиной гордостью весь обед псу под хвост спустила! Мясо стыло на ветру, шашлычник перепуганный стоят, лаваш в ущелье улетел... Черт бы побрал этот ее характер скверный!

И ведь что самое паршивое, именно это меня в ней и держит. Душит, ломает, но заводит так, что в паху ноет от голода.

Она мне до зубного скрежета напоминает Эви – жену старшего брата. Ту русскую девчонку, которую я спасал от клана четыре года назад. Она тоже на меня зыркала, как волчонок, зубы скалила, но не ломалась ни перед кем.

Я тогда чуть рассудок не потерял, еле совладал с собой, чтобы братскую межу не переступить, не забрать себе ту, что предназначалась не мне. Отошел. Стерпел. Брат вернул ее в семью, живут душа в душу.

А теперь передо мной сидит эта... с золотыми волосами и характером горного обвала. Судьба мне, что ли, по вредным блондинкам с ума сходить?

– Ты зубы сотрешь, если так скрипеть будешь, – сухо бросает Мила в стекло, даже не поворачивая головы.

– За языком следи, да? – рычу в ответ. – Я с тобой на русском говорю, а ты мне по-волчьи отвечаешь. Терпение мое не резиновое, Мила. А гордость твоя раздутая слишком.

Машина с визгом тормозит на закрытой парковке перед вип-лифтом. Глушу двигатель, выхожу, одним рывком распахиваю ее дверь и перехватываю за локоть. Она пытается выдернуть руку, но куда там – веду ее за собой.

В лифте Мила стоит в углу, колючая, вся напряженная. Я молчу. Только чувствую, как внутри поднимается дурная волна. Запах ее волос, горный ветер, оставшийся на ее щеках, пухлые губы... Хочу ее! Прямо сейчас хочу.

Снять эту куртку дурацкую, бросить ее на шелковые простыни и выбить из нее всю эту дурь лаской и силой, чтобы стонала подо мной, забыв свое имя.

Сбрасываю пальто прямо на пол у входа. Шагаю к ней, беру за плечи, разворачиваю к себе. В глазах темнеет от желания.

– Иди сюда, – хриплю, притягивая ее к своей груди, тянусь губами к ее теплой шее и расстегиваю молнию на ее куртке. – Хватит дурить, Мила. Замерзла вся, дрожишь... Иди ко мне.

Но она не дергается. Не кричит на меня.

Она делает то, что бьет меня под дых сильнее любой пощечины.

Мила просто замирает. Опускает руки вдоль тела, как кукла, и смотрит сквозь меня пустыми глазами. Ни слезинки. Ни искорки. Полное равнодушие.

Когда мои губы касаются ее пульсирующей жилки на шее, ее тело не подается навстречу – оно превращается в холодный камень.

Мои пальцы застывают на собачке молнии.

– Что ты делаешь, э? – глухо выдыхаю ей в кожу, чувствуя, как внутри всё сворачивается в дурной узел.

– Ничего, – ее голос звучит без единой интонации. – Ты же хозяин. Раздевай. Бери. Ты заплатил за этот люкс и взял меня в жены на три месяца. Чего ты ждешь, Рамзес? Брачной ночи номер два? Давай. Только не проси меня стонать или как-то участвовать в процессе.

Валлахи, меня словно кипятком ошпаривает.

Кровь с бешеной силой бьет в виски. Все это горячее и нестерпимое желание, от которого только что плавились мозги, в одну секунду выгорает, оставляя во рту привкус золы и бешенства.

– Ах ты... саранча бедовая! – вырывается у меня гортанный рык. – Ты кем себя выставила, а?! Бревно из себя строишь?! Жертву на заклинании изображаешь?!

Мила стоит посреди роскошного холла, в этой своей дутой куртке, и смотрит на меня с неприкрытым высокомерием.

– Я мужчина, Мила! Слышишь ты меня, нет?! – делаю шаг к ней, тыча пальцем в воздух. – Я горец! Мне подачки не нужны, и труп в постели мне не нужен! Я живую женщину брал! Ту, у которой в глазах огонь горел, которая вчера под моими руками от счастья задышалась! А ты мне тут душу наизнанку крутишь, на нервах моих джигитовку устраиваешь!

Она молчит. Губы плотно сжаты, в серо-голубых глазах отражается колючий зимний лед.

– До чего ты меня довела, а?! Посмотри на меня! – срывается мой голос, и я с силой хлопаю себя ладонью по груди, где бешено колотится сердце. – В собственном отеле покоя не знаю! В горы ее повез – врагом стал! Мясо лучшее принес – ядом плюется! Жenu из нее сделать хотел – она мне презрение в лицо швыряет!

Внутри всё ходит ходуном. Если останусь в этом номере еще на минуту, разнесу здесь всё к чертовой матери. А трогать ее силой... Аллахом клянусь, лучше руку себе отрубить. Честь не позволит.

– Хватит. Сыт по горло твоими претензиями, – рывком подхватываю с пола свое черное пальто, не глядя натягиваю на плечи. – Я иду вниз. В бар. Полечусь коньяком, пока у меня крыша окончательно не съехала от твоих закидонов.

Делаю к ней широкий шаг, нависая скалой, и хватаю ее за подбородок. Сжимаю крепко, заставляя смотреть мне прямо в глаза:

– А ты слушай меня сюда, моя строптивая девочка. Ты сейчас снимаешь эти вещи и пойдешь в душ. Смоешь с себя всю эту городскую спесь и ляжешь в постель. Голенькой. Ждать меня.

– Я не лягу с тобой, – отчетливо роняет она.

– Ляжешь! – отрезаю я, и глаза мои сужаются до двух черных щелей. – Ты моя жена. И когда я вернусь, ты будешь ласковой со мной. Иначе, клянусь святой землей, я сам с тебя спесь собою этой ночью, но заставлю вспомнить, кому ты принадлежишь.

Отталкиваю ее лицо, разворачиваюсь и широкими шагами иду к выходу.

Выхожу в коридор. Достая из кармана электронный ключ, прикладываю к сенсору и активирую полную блокировку замка изнутри и снаружи. Зеленый огонек вспыхивает тревожным алым.

– Посиди взаперти, птичка, – бросаю запертой двери сквозь зубы. – Остынь. Подумай, с кем войну затеяла.

Сунув руки в карманы пальто, злым и размашистым шагом направляюсь к лифту – глушить эту невыносимо сладкую отраву по имени Мила чистым алкоголем. Грешить меня заставляет, вот что она делает. Гордячка! Ну, ничего попустит ее скоро, и всё наладится...

Глава 7

Запер, гад! Как собаку в конуре. Как вещь, которую боятся оставить без присмотра, чтобы не утащили.

Стою посреди огромного президентского люкса, обхватив себя руками за плечи. Меня колотит острая дрожь.

Подбородок горит огнем там, где только что впивались его пальцы. На шее пульсирует след его губ.

Господи, за что? За какую вину мне такая ситуация?

Я ведь не искала богатства, не просила возить меня на Орлиный утес, не мечтала о кольце с бриллиантом! Два года драила здесь полы, меняла наволочки, прятала глаза, когда он проходил по коридору своей хозяйской походкой. Полгода держала оборону, не веря его сказкам. А потом растаяла, дура наивная. Думала: сказка, Золушка, принц с горным сердцем.

А принц просто взял себе игрушку на время. До лета. Пока не приедет настоящая госпожа. Обидно, как же мне обидно!

Горло перехватывает удушливый спазм.

Взгляд падает на стеклянный журнальный столик, где лежит мой смартфон. Тот звонок отца невесты до сих пор стоит в ушах. Рамзес назвал ее по имени. Так почтительно и бережно, как мое имя никогда не произносил!

Макка.

Имя бьет током прямо под ребра. Какая она, эта чистокровная дочь клана, ради которой гордый Рамзес склоняет голову?

Падаю на край велюрового дивана и открываю поисковик. Вбиваю фамилию, которую видела на экране у Рамзеса и имя.

«Макка Фаргиева».

Поиск выдает профиль почти мгновенно. Закрытая страница, но аватарка и несколько открытых профессиональных публикаций видны.

Нажимаю на экран и замираю, забыв, как дышать.

Она... красивая.

Никакой тонны макияжа, надутых губ или показной роскоши. С фотографии на меня смотрит чистое и строгое лицо с выразительными, зеленого цвета глазами под идеальными соболиными бровями.

Белоснежная косынка открывает идеальный овал лица и шею. У нее точеный, аристократический нос.

А-а-а! Зачем я вообще полезла на нее смотреть?!

Я сейчас умру...

На одном из фото девушка в голубом хирургическом костюме, поверх – белоснежный накрахмаленный халат. Тонкие пальцы уверенно сжимают скальпель над учебным манекеном.

И подпись:

«Отработка микрохирургического клипирования аневризмы передней соединительной артерии на симуляторе. Иншаллах, каждый день на шаг ближе к операционному столу».

Смотрю на это фото, и меня словно окатывает ледяной водой из горного ручья.

Макка Фаргиева – будущий нейрохирург. Дочь уважаемого рода, гордость отца, безупречная мусульманка с чистой репутацией и блестящим будущим. Она спасает жизни, учится в лучшем медицинском университете, за ней стоят влиятельные родственники. Она рождена для того, чтобы войти в дом Рамзеса хозяйкой, чтобы свекровь целовала ее в лоб, а свекор одаривал подарками.

А кто я?

Опускаю взгляд на свои руки. Сухая от бесконечной химии кожа, коротко остриженные ногти. У меня нет диплома престижного вуза. У меня нет за спиной отца, который позвонит и заставит Рамзеса говорить шепотом. У меня вообще никого нет!

Перед глазами всплывают обрывки той единственной, страшной истории, которую мне потом, много лет спустя, пересказывала тетя Патя – моя приемная мама.

Мне было три года, когда молодые русские родители из Краснодара поехали на Кавказ, посмотреть на водопады и ущелья. Они сняли комнату в частном секторе в предгорье. В тот день собирался дождь, небо хмурилось, и хозяйка дома уговорила их оставить меня с ней:

– Куда трехлетку в такую сырость тащить, по перевалам трясти? Я пирогов напеку, присмотрю, а вы поезжайте, молодые, погуляйте.

Они уехали на экскурсию к ледникам.

А ночью начался дождь, папа не справился с управлением, и машина упала с высоты, в бурную реку.

Хозяйка дома честно пыталась искать хоть какую-то мою родню, писала запросы, но в архивах ничего не нашли. Ни бабушек, ни дедушек. Так я оказалась в кавказском доме ребенка. Чужой белый волчонок со светлыми косичками.

Тетя Патя, простая кавказская женщина, которая работала в том интернате поварихой. У них с мужем своих детей Бог не дал. Они уже забрали двоих осиротевших мальчишек, а когда привезли меня – заплаканную, испуганную, зовущую маму, – сердце поварихи не выдержало.

Она прижала меня к фартуку, пахнущему свежим хлебом, и сказала мужу:

– Расул, пусть третьей будет. Прокормим. Скотина есть, руки есть. будет по дому мне помогать.

И прокормили. Жили бедно, от зарплаты до зарплаты, в старом домике на окраине города. Мальчишкам нужны были ботинки, мне – тетрадки. Какое там платное образование?

Дядя Расул надрывался на стройках, тетя Патя до самой старости стояла у горячих печек. Они вырастили меня в любви, никогда не попрекнули куском хлеба. «Братья» разъехались на заработки, кто куда, а три года назад тетя Патя сгорела от инсульта прямо на кухне. Дядя Расул умер еще раньше.

Вот так я и осталась одна. С аттестатом за одиннадцатый класс и направлением в службу занятости. Судьба привела меня в сияющий отель Хотчбарова, где меня взяли горничной. Я меняла простыни сильным мира сего, копила деньги на заочное отделение...

Пока в мою жизнь не ворвался Рамзес. Со своими хищными взглядами и подарками, которые я возвращала.

Горький смех вырывается из горла, и я швыряю телефон на бархатное покрывало гигантской двуспальной кровати.

Он смотрит на Макку – и видит в ней равную.

А глядя на меня, он видит лишь симпатичную девчонку с улицы, у которой нет родни, чтобы отомстить за поруганную честь. Удобное тело, чтобы спустить пар перед свадьбой с достойной.

«Когда вернусь, ты будешь ласковой со мной... Я сам с тебя спесь собою, но заставлю вспомнить, кому ты принадлежишь...» – снова звенит в висках его голос.

Медленно поднимаюсь с дивана. Дрожь отступает, появляется хладнокровие и план действий.

Ждать его в постели? Ха!

– Нет, Рамзес Саидович, – шепчу в пустую тишину президентского номера, и губы кривятся в злой усмешке. – Ты ошибся, я не твоя подстилка. Ты хотел горничную? Ты ее получишь! Обслужу тебя сейчас по высшему разряду! Готовься, милый!

Глава 8

Будет тебе постель, Рамзес. Люкс высшей категории!

Иду прямо к настенной сенсорной панели климат-контроля. Обычные гости знают только две кнопки – теплее и холоднее. Но я знаю сервисную комбинацию для сброса настроек. Зажимаю на пять секунд две нижние клавиши: экранчик мигает, и система переходит в режим охлаждения.

Выкручиваю температуру на плюс шестнадцать, врубаю принудительный обдув ледяным воздухом, а затем поддеваю декоративную крышку ногтем, выдергиваю предохранитель и прячу его в глубокий карман джинсов.

Экран гаснет. Теперь, чтобы отключить этот ледник, придется вызывать инженера из котельной с чемоданом инструментов.

Дальше – спальня. Исполинская кровать три на три метра с изголовьем из каретной кожи. Наше «брачное ложе», на которое муж-обманщик собирается швырнуть меня после стопки коньяка.

Выгребаю с кровати шерстяные пледы, гипоаллергенные подушки и теплое одеяло из гагачьего пуха.

В углу гардеробной есть техническая ниша, куда мы убираем шторы на химчистку. Забираюсь на стул, трамбуя туда всё теплое белье и захлопываю дверцу.

Осталась сама кровать.

Подхожу к королевскому мини-бару из темного ореха, достаю оттуда две пузатые бутылки: ликер из черной смородины и литр приторного вишневого сока.

Возвращаюсь в спальню. Одним резким движением срываю чистую тонкую простыню, обнажая дорогуший ортопедический матрас с эффектом памяти – предмет гордости нашего управляющего отелем, выписанный откуда-то из-за границы.

Откупориваю крышки.

Темно-бордовая, почти черная жижа льется на середину матраса. Сладкий гранатовый сироп мгновенно впитывается, расплываясь безобразной, липкой кляксой. Пятно пузырится, воняет перебродившим сахаром и выглядит так, словно на кровати только что хладнокровно прикончили быка.

Если сесть на этот матрас хоть на секунду – прилипнешь намертво и перемажешься до ушей. Ложиться сюда не станет даже бродячая собака, не то, что чистюля Рамзес.

Покончив с разгромом, иду в прихожую. Натягиваю поверх свитера дутую куртку, застегиваю молнию до самого подбородка, руки сую в глубокие карманы.

Холод по номеру уже гуляет вовсю.

Сажусь в жесткое кресло в самом темном углу гостиной, поджимаю ноги под себя и замираю, как мышка.

И вот в тишине коридора раздаются гулкие шаги.

Сенсор на двери пищит, алый огонек вспыхивает зеленым.

Дверь распаивается настежь, на пороге появляется Рамзес.

Пальто распахнуто, верхние пуговицы белой рубашки расстегнуты, открывая темную полоску волос на груди. От него пахнет выдержанным коньяком и лимоном. Взгляд его черных глаз тяжелый и налитый пьяной страстью. Он пришел забирать свое.

Но едва Рамзес переступает порог, ледяной сквозняк бьет ему прямо в разгоряченную грудь. Он шумно втягивает воздух носом, вздрагивает и непонимающе моргает.

– Что за... – вырывается у него сиплый, гортанный бас. – Что за мороз, э?!

Рамзес оглядывается, дергает выключатель, но свет в люксе горит тускло.

– Мила? – зовет он, и в голосе слышится раздраженное нетерпение. – Ты где спряталась, девочка? Я же сказал...

Я не шевелюсь. Сажу в кресле, натянув капюшон, и с ледяным спокойствием считаю секунды.

– Аллах!

Тяжелые шаги сотрясают пол. Рамзес пулей вылетает из спальни и мечется по холодной гостиной, наконец его взгляд натывается на меня – сидящую в кресле и закутанную в куртку.

– Это что?! – орет он, тыча пальцем в сторону спальни, срываясь на хрип. – Ты что там устроила, валлахи?! Кто там сдох на этой постели?! Почему там всё липкое, как в аду?!

Медленно поднимаю на него глаза из-под капюшона. Мой голос звучит нарочито вежливо и профессионально:

– Несчастный случай, Рамзес Саидович. Захотела гранатового сока перед сном, как вы приказали, а руки от страха задрожали. Вот прямо на матрас всё и вылилось. Случайно.

– Случайно?! – он делает два огромных шага, нависая надо мной, словно грозовая туча. Жилы на шее надулись канатами. – А одеяла где?! Где подушки, я тебя спрашиваю?! Куда ты их дела, ведьма?!

– Наверное, горничные унесли в стирку, – невинно хлопаю ресницами. – А новая смена заступит только в восемь утра. Так что придется потерпеть.

Рамзес прерывисто дышит, обдавая меня терпким запахом дорогого алкоголя.

– Почему здесь так холодно?

Он переводит взгляд на стену, бросается к пульту климат-контроля, яростно долбит пальцем по темному экрану, но панель мертва.

– Панель сломалась? – подсказываю сладким голосом. – Ой, беда.

Он резко разворачивается ко мне. Сжимает челюсти с таким звуком, будто крошит зубы в пыль.

Понимает всё.

Я здесь, не сбежала. Но взять меня в этой ледяной пещере невозможно. Лечь некуда. Постели нет.

– Валлахи... – выдыхает он с кривой усмешкой, качая головой. – Ты не горничная. Ты шайтан в юбке.

Он упирается ладонями в подлокотники моего кресла и наклоняется так близко, что его обжигающее, хмельное дыхание опалает мой замерзший нос.

– Думаешь, переиграла меня? – тянет он с издевкой, и его пальцы неторопливо и властно нашупывают собачку молнии на моей дутой белой куртке. – Постель залила, холод собачий устроила... Думаешь, я тут на коврик замерзать лягу?

Сердце внутри испуганно спотыкается. Торжество мгновенно сменяется холодной тревогой.

– Отойди от меня, Рамзес, – предупреждающе произношу я, вжимаясь спиной в спинку кресла.

Но он не отходит. Его усмешка становится шире, самоувереннее и злее. Одним легким движением муж хватает меня за подмышки и поднимает из кресла на ноги, прижимая к своей горячей груди.

– Молодец, Мила. Умница, – шепчет он мне прямо в губы, обдавая жаром коньяка и своей неистовой силы. – Номер разнесла на пять с плюсом. Постели нет. Холодно. А раз постели нет...

Он легко подхватывает меня на руки, забрасывая себе на плечо, словно я ничего не вешу, и разворачивается в сторону огромных двойных дверей королевской санузла:

– ...значит, трахаться будем в другом месте. Сейчас хорошенько погреемся в ванной, а потом дадим жару, как и полагается молодоженам. Посмотрим, как ты сейчас отвертишься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.